

писание СИБИРСКИХ НАРОДОВ

Герарда Фридриха Миллера

Российским любителям истории это имя практически неизвестно, а если и известно, то более всего — в связи с борьбой М. В. Ломоносова против так называемой «норманской» теории происхождения Древнерусского государства, одним из «отцов» которой и был Герард Фридрих Миллер. Тем не менее, в 2005 г. международное научное сообщество широко отметило 300-летний юбилей со дня рождения немецкого ученого, работавшего в России. Значит, заслуги его перед наукой стоят того? Вопрос более чем уместный. Давно пора, избавляясь от инерции не выдержавших испытания временем исторических клише, пересмотреть взгляды на великого немца, столь многое сделавшего для становления и развития российской науки.

Герард Фридрих Миллер родился 18 октября 1705 г. в германском городе Герфорде в семье ректора гимназии. По окончании гимназического курса он изучал философию и изящные искусства в университетах Рингельна и Лейпцига. В Лейпциге Миллер стал учеником И. Б. Менке, известного философа, историка, издателя исторических памятников и журналиста.

Знакомство с Менке предопределило сферу научных интересов Миллера и, по сути, его судьбу. В 1725 г., получив степень бакалавра, Миллер почти сразу же отправился в Петербург, где в этом году была открыта Императорская Академия наук. Пригласил его туда петербургский академик И. П. Коль, бывший сотрудник Менке. Коль считал, что со временем Миллер может занять пост библиотекаря Академии. Однако прогноз Коля явно не соответствовал неординарным дарованиям Миллера: уже в январе 1731 г., в двадцатипятилетнем возрасте, того назначили профессором Академии. Позже, оставаясь профессором, Миллер исполнял обязанности конференц-секретаря Академии, возглавлял Московский воспитательный дом и Архив Коллегии иностранных дел (ныне — Российский государственный архив древних актов).

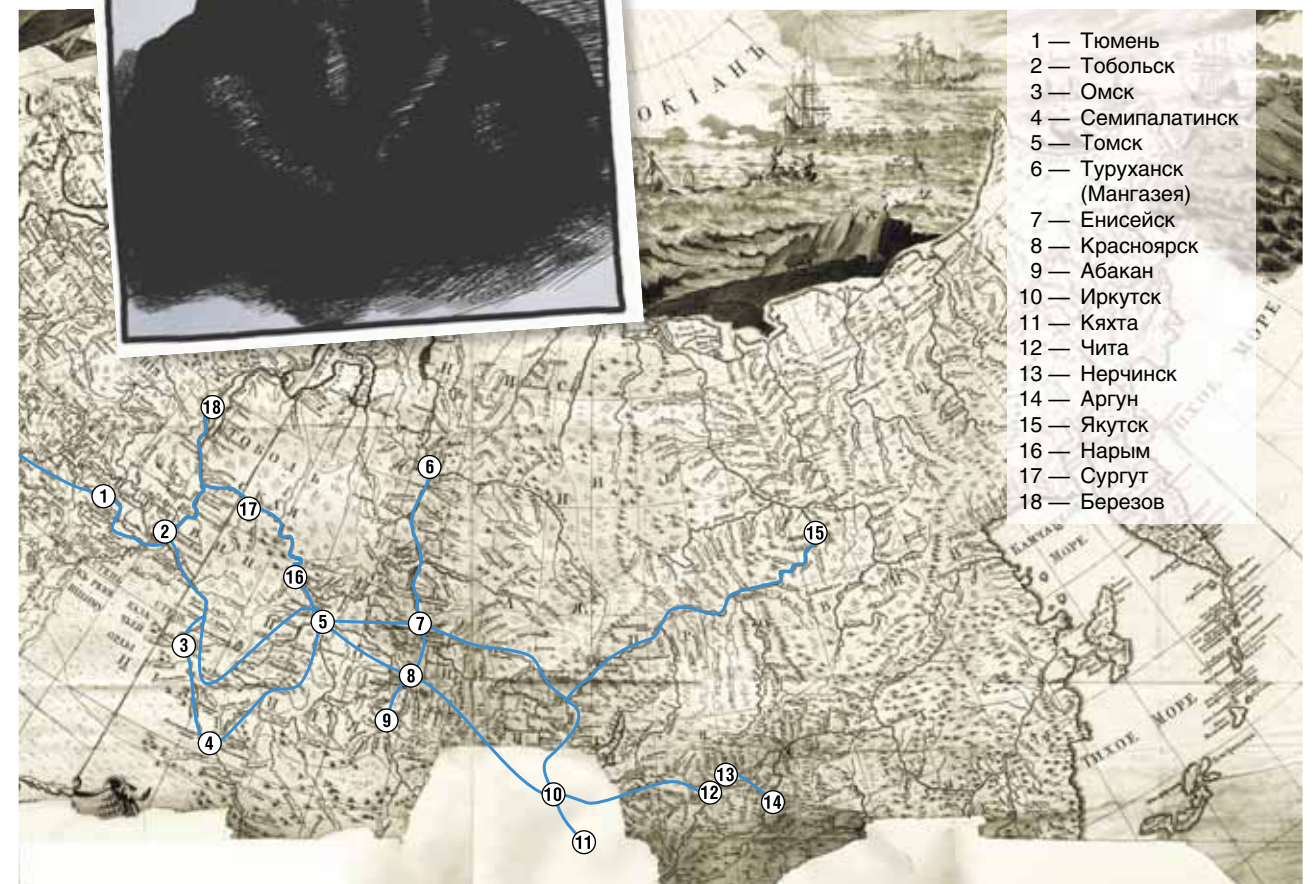
За 58 лет жизни в России (Миллер принял в 1748 г. российское подданство, скончался же в 1783 г. в Москве) ученый успел сделать невероятно много. С его именем неразрывно связано рождение исторической науки в России: в XIX веке некоторые российские историки называли Миллера не иначе как «отец русской истории».

А. Х. ЭЛЕРТ

К этому званию прибавим еще одно — «отца сибирской истории», — которое никем не оспаривается. Впрочем, история — главное, но не единственное пристрастие Миллера. Вот далеко не полный перечень других его увлечений: археология, источниковедение, архивное дело, эпиграфика, этнография, лингвистика, археология, география, историческое краеведение, картография, геополитика, дипломатия, издательское дело, журналистика, экономика. «Великий трудолюбец», «самый трудолюбивый из русских академиков» (так характеризовали Миллера и столетие спустя после его смерти) основал целый ряд новых научных направлений — в своих теоретических и практических разработках зачастую значительно опережая свое время.

По мнению некоторых исследователей на рисунке изображен Герард Фридрих Миллер

- 1 — Тюмень
- 2 — Тобольск
- 3 — Омск
- 4 — Семипалатинск
- 5 — Томск
- 6 — Туруханск (Мангазея)
- 7 — Енисейск
- 8 — Красноярск
- 9 — Абакан
- 10 — Иркутск
- 11 — Кяхта
- 12 — Чита
- 13 — Нерчинск
- 14 — Аргун
- 15 — Якутск
- 16 — Нарым
- 17 — Сургут
- 18 — Березов

Тунгус с татуировкой.
Георги И.Г. Описание всех обитающих
в Российском государстве народов. —
СПб., 1799. — Т. 4

Шаман и шаманка.
Народы России: Живописный
альбом. — СПб., 1880

Важнейшей вехой в научной судьбе ученого явилось его путешествие по Сибири в качестве неофициального руководителя академического отряда Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. Сам Миллер всегда с благодарностью вспоминал об этом периоде своей жизни. «Никогда потом, — писал он, — не имел я повода раскаиваться в моей решимости, даже и во время тяжелой моей болезни, которую выдержал в Сибири. Скорее, видел я в том как бы предопределение, потому что этим

путешествием впервые сделался полезным Российскому государству, и без этих странствий мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания».

Миллер посетил все уральские и сибирские уезды, обследовал архивы увиденных им городов и за 10 лет путешествий собрал огромный массив ценнейших материалов по истории, экономике, географии, демографии, археологии, этнографии и языкам сибирских народов. Укажем лишь некоторые из этих материалов.

Миллер обнаружил и приобрел для Академии почти все известные в настоящее время сибирские летописи (в том числе и знаменитую Ремезовскую). Под его руководством в сибирских архивах было скопировано около 10 тысяч документов по истории Сибири, что оценивается современными исследователями как «архивный подвиг» ученого. Подлинники этих документов большей частью сгорели или были уничтожены в XVIII–XIX вв. — именно Миллер сохранил их для будущего. Составленные Миллером словари языков и диалектов почти всех народов Сибири и сейчас являются важнейшим источником для лингвистов, причем по некоторым народам, ассимилированным уже в XVIII в., — единственным.

В экспедиции и после ее завершения Миллер написал десятки трудов, посвященных Сибири. Среди них — фундаментальная «История Сибири» в 4-х томах, «География Сибири» в 2-х томах, «Описание сибирских народов» в 2-х томах. На всякую возникающую научную проблему он мгновенно откликнулся монографией или статьей. До сих пор переведена на русский язык и опубликована лишь часть этих работ — так, из перечисленных трудов изданы лишь первые два тома «Истории Сибири».

С особым увлечением Миллер занимался этнографическими изысканиями, что, по его словам, было ему «вместо отдохновения». Он впервые предпринял попытку комплексного сравнительного изучения этнической истории, языков, материальной и духовной культуры сибирских народов. О том, какие задачи Миллер ставил перед собой и своими сотрудниками в ходе полевой работы, лучше всего свидетельствует его программа «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно», написанная в 1740 г. В документе, состоящем из 923 статей, он сформулировал цели и методы этнографической работы. Научный уровень и подробность этой программы таковы, что исследователь начала XXI в. найдет очень мало проблем современной этнографии, о которых бы не было заявлено в этом удивительном памятнике XVIII в. Именно в Сибири Миллер заявил, что этнография является «настоящей» — самостоятельной — наукой. Как в воду глядел.

Задачи, поставленные Миллером в области изучения коренных народов Сибири, нельзя не признать грандиозными. Столь же масштабной была и его деятельность, направленная на решение этих задач. В нее входили сбор архивных материалов по этнической истории, анкетирование местных канцелярий, опросы информаторов из числа русских и коренных жителей, личные наблюдения, составление этнографических коллекций. Результаты этой работы отражены в полевом дневнике ученого, насчитывающем около 2,5 тысячи (!) страниц, а также в других экспедиционных рукописях. Оценка

подлинного значения деятельности Миллера-этнографа — дело ближайшего будущего (и, добавим, дело нашей чести). В настоящее время его основные этнографические труды готовятся к изданию на русском и немецком языках. Но даже те архивные материалы, которые введены в научный оборот в последние годы, позволили ряду исследователей в России, Германии, Голландии, Франции сделать вывод о том, что наука этнография родилась не в Западной Европе, как считалось ранее, а в России. А еще точнее — в Сибири. И у этой науки есть законный отец — Герард Фридрих Миллер.

В этнографических текстах Миллер с особой симпатией писал о «лесных» народах Сибири. Среди важнейших качеств, органически им присущих, он называл естественную доброту, сострадание к сородичам, неспособность наносить сознательные обиды и т. д. Эталон моральности для ученого представлялись тунгусы (эвенки и эвены). Пожалуй, Миллер первым из отечественных ученых смог увидеть в бедных кочевниках тайги подлинных рыцарей чести, во многом способных показать пример искусственным в аморализме европейцам.

Такое отношение Миллера к сибирским аборигенам шло вразрез с привычными взглядами той эпохи. Его не разделяли даже ближайшие соратники ученого. Тот же И. Г. Гмелин, спутник Миллера в сибирских скитаниях, писал о тунгусах Илимского уезда: «Наконец, что касается нравов этих тунгусов, то они являются нечистоплотным, неотесанным и грубым народом. У них нет больших пороков, но, как я полагаю, скорее из-за недостатка возможностей для этого, нежели из-за природного отвращения к ним».

Ниже мы публикуем фрагменты нескольких глав «Описания сибирских народов», дающие живую картину жизни тунгусов. Эти страницы становятся еще более любопытны, если обратить внимание на их, если можно так выразиться, «двухвекторность». Они рассказывают не только о сибирских аборигенах, но дают представление о личности самого автора. Перед нами возникает фигура подлинно гуманистическая. Миллер представляет читателю не жалких «дикарей» и не идеализированные образы простодушных детей природы, а реальных людей, которые, при всех свойственных им очевидных недостатках, в лучших своих проявлениях вызывают уважение и даже восхищение.

При переводе курсивом выделены русские слова, написанные Миллером латинскими буквами.

Рыцари ТАЙГИ

Дешифровка и перевод с автографов Г. Ф. Миллера
А. Х. Элерта (РГАДА, фонд 181, дело 1386)

Внутренние принципы порядочности не развиты так сильно ни у одного народа, как у тунгусов. Среди них ничего не слышно о воровстве, мошенничестве или иных преднамеренных обидах. Они гостеприимны и щедры. Я не раз замечал у нерчинских тунгусов: когда я дарил самому знатному из них китайский табак, бисер или другие излюбленные ими вещи, то он делил все подаренное между присутствующими, и это делалось не из страха или по принуждению, а единственно из стремления к общности.

Строптивость и упрямство в начале занятия страны [русскими] наблюдались у некоторых народов в большей степени, чем у других. Остяки, особые языческие народы в Красноярском уезде и тунгусы подчинились новым хозяевам легче всего. Но из последних те, что относятся к Охотску, и тунгусы, живущие по Верхней Ангаре, неоднократно бунтовали и часто убивали рус-

Тунгус на охоте.
Георги И. Г. Описание всех
обитающих в Российском
государстве народов. —
СПб., 1799. — Т. 4

Г. Ф. МИЛЛЕР

Тунгусский храм
Народы России: Живописный
альбом. — СПб., 1880

ских. Причиной этого опять-таки отчасти было жестокое обращение со стороны русских начальников; отчасти это происходило, потому что их нередко грабили служивые и промышленные люди; отчасти — потому что они не хотели позволять русским охотиться на своей родной земле. Впрочем, некоторые племена тунгусов в Нерчинском уезде были приведены к покорности силой оружия...

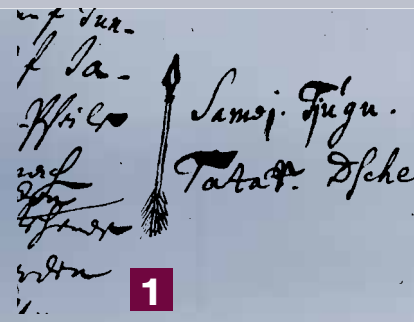
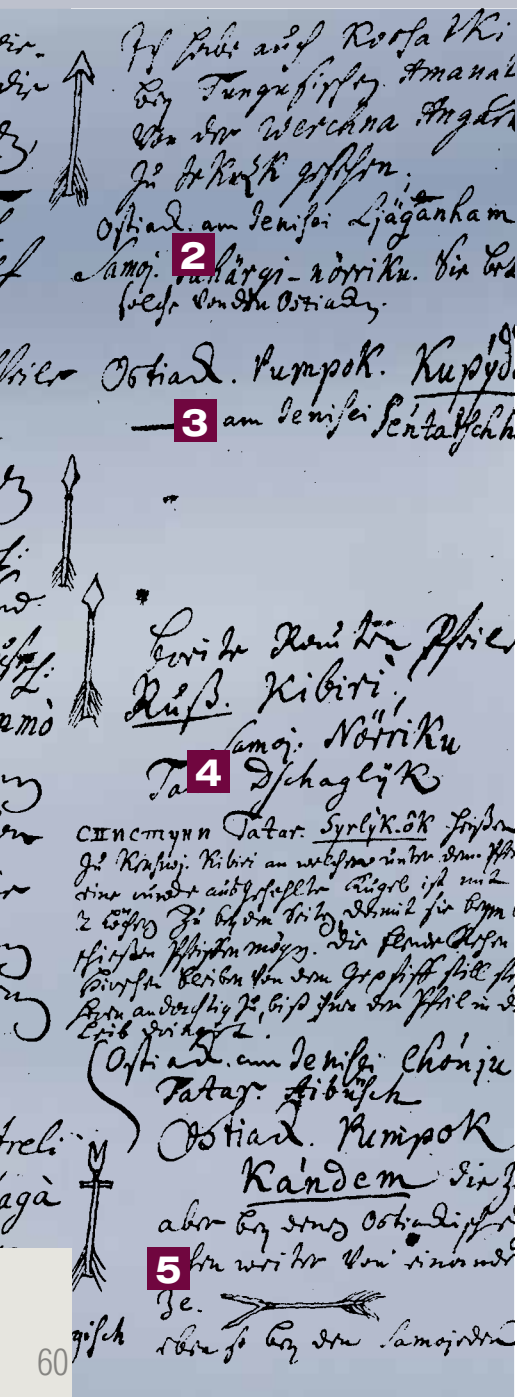
Из того, что какой-либо народ покорился добровольно, нельзя делать вывод о его малодушии. Более того, все тунгусы так храбры и мужественны, что им может позавидовать любой другой народ. Причина скорее в следующем. Те, кто кочует по лесам, большей частью держатся отдельными семействами. Поэтому у них было нетрудно захватить одного или несколько человек, которые были аманатами (или заложниками) и которых прежде держали во всех городах и острогах. Естественная доброта и искренность тунгусов, не желавших бросить аманатов на произвол судьбы, и являлись истинной причиной их покорности. Наоборот, у других народов, занимающихся скотоводством и тесно живущих в степях или поселениями, было не так легко получить аманатов: чтобы защитить своих, они оказывали сопротивление, и тогда, зачастую, не обходилось без кровопролития. Таким образом, строптивость нерчинских тунгусов и податливость тунгусов лесных имеют один и тот же корень. Случалось также иногда, что аманаты в острогах и зимовьях убивали русских казаков. Такой пример был лет 30—40 назад со стороны тунгусских аманатов в Майском зимовье. Но из этого вовсе не следует делать вывод против мнения о хороших природных свойствах тунгусов. Ибо известно, как сурово содержится большинство аманатов в зимовьях, так что они легко могут впасть в отчаяние.

Несправедливость, с которой относятся в Сибири к языческим народам, становится причиной того, что они очень робки. Во время нашего путешествия в Якутск мы встретили в Витимском округе нескольких туруханских тунгусов, возвращавшихся из района реки Витим, где они охотились, на свою родину на Нижней Тунгуске или Хатанге. Мы остановились около одной деревни (деревня Курейская) и увидели по другую сторону Лены тунгусов, идущих вдоль берега со всем своим имуществом. Но когда я отправил к ним посыльного с тем, чтобы они подождали меня, пока я к ним переправлюсь для расспросов, то все мужчины, шедшие впереди, сразу же

скрылись в горах. И остановить удалось только следующий за ними обоз с женщинами, детьми и оленями. После того, как я переправился и не обнаружил никого, кроме женщин и несовершеннолетних детей, я осведомился о мужчинах. Однако никто из них не пожелал появиться, только один показался издали на вершине горы, чтобы наблюдать за тем, что мы станем делать с их женами, детьми и вещами. Я отправил к нему толмача, пытался и сам к нему приблизиться, чтобы заверить его в полной безопасности и пригласить для беседы. Только он не подпускал к себе никого ближе, чем на 15—20 шагов, потому что все время пятился, угрожая стрелами и луком, который все время держал натянутым в руках. Правда, его главным извинением было то, что ему нечего дать мне в подарок. Я заверил его, что не прошу подарка, а сам хочу сделать ему подарки, но и это нисколько не помогло. Наконец он сказал, что у них прошел слух, будто бы в верховьях реки Лены убили тунгуса. И, казалось, он как будто подозревал нас в том, что и мы причиним ему большое зло, посадим под арест или будем бить, пока он не поделится с нами своим имуществом: стало быть, иногда такое случается. Женщины тем временем уже изрядно освоились с нами, пришли на наше судно и взяли от нас подарки, которые мы предназначали их мужьям.

У лесных тунгусов нет между собой иного суда или права, кроме определяемого луком и стрелой. Если оскорбление очевидно, то дело сразу переходит к схватке, и кто берет в ней верх, тот и прав. У них один вызывает другого как на дуэль. Но если дело не так ясно (например, в вопросе о распутстве или прелюбодеянии), то обвиняемый может оправдаться посредством принесения клятвы. Причина этого, видимо, в том, что у них нет князцов и все они равны; нерчинские же тунгусы и в отношении правосудия приняли обычаи монголов.

полости тела. Затем приносящий клятву спускает немного крови в берестяную посудину и делает из нее несколько глотков. Кровь пьется совсем горячей. На этом церемония еще не заканчивается. Далее приносящий клятву бросает собаку в специально разложенный вне юрт большой костер и говорит: «Как собака сейчас корчится в огне, так пусть и я скорчусь в годичный срок, если я совершил то, в чем меня обвиняют». Весь обряд происходит в присутствии многих свидетелей, которых созывает тот, кто приводит к клятве. Поэтому если приносящий клятву поклялся ложно, и его в течение года постигнет несчастье или приключится внезапная смерть, то это приписывается не тому, кто приводил к клятве, поскольку он находился в споре с противной стороной, а неизбежно возмездие за принесение ложной клятвы. По-видимому, тунгусы верят, что дух собаки входит вместе с горячей кровью в дающего клятву и осуществляет наказание.

Лесные тунгусы и другие народы, постоянно кочующие в лесах и в горах, — такие как остяки, котовцы, камашинцы и т. д. — имеют хижинны, состоящие из длинных шестов, которые внизу располагаются по кругу, а сверху соединяются вместе. Эти шесты они покрывают летом берестой, а зимой, если кто имеет средства, замшевыми лосиными шкурами. Среди них есть много бедняков, круглый год живущих под одной берестой.

У лесных тунгусов нет почти никакой другой посуды кроме той, что делается из бересты, разве только

они достают себе кожаные или деревянные посудыны у других народов. Для прочности они обтягивают их кожей, или рыбьими шкурами, или камасами и умеют приспособить так, что перевозят их на оленях с таким же удобством, как и кожаные бурдюки. Весь запас мяса, рыбы, муки и других съестных припасов держится в этих сосудах. По-тунгуски они называются Inmok.

Поскольку у всех языческих народов все очень нечистоплотно, то нельзя ожидать от них чистоты и в их домашней утвари. Котлы, блюда, кожаные и иные сосуды никогда не моются и не ополаскиваются. На реке Лене я однажды имел удовольствие принимать на своем дощанике целую компанию тунгусских женщин. А когда я между другими приятными для них мелочами велел дать им немного муки и мяса, то они тотчас же стащили с себя чулки, и как ни были они грязны, все же без малейших сомнений наполнили их этими припасами.

У них нет ничего сверх того, что вызывается требованиями крайней необходимости, и если по этому судить об их богатстве, то следовало бы считать их очень бедными. Однако они при этом довольны и сами не стремятся к изобилию, так как это было бы им лишь в тягость. Моралист оценит это выше, чем все сокровища цивилизованных народов.

Лесные тунгусы используют оленей только для перевозки тяжестей, а также чтобы возить на них своих жен и детей. Для этой цели у них имеются на оленях маленькие деревянные седла, похожие на описанные у лапландцев. Под седло кладется маленькое одеяльце из оленьей шкуры, а у тех оленей, на которых ездят верхом, поверх седла лежит еще необработанная оленья шкура. Они ездят верхом без стремян. Багаж навьючивают на оленей, привязывая его к седлам по обеим сторонам. Он состоит из бересты, которой они покрывают

свои юрты, и кое-какой домашней утвари — топора, котла, крюка, ложек и кожаных мешков для хранения одежды и съестных припасов. Все это находится под присмотром женщин: они навьючивают оленей и вновь их развьючивают, правят ими и гонят их в пути, а мужчины несколько об этом не заботятся.

Мужчина идет впереди с луком и с длинным охотничьим ножом, какие на сибирском языке называются пальмы. Им он прокладывает дорогу и защищается от диких зверей. При нем находится до трех собак, которые по пути выгоняют и ловят мелкую дичь.

Мужчина шествует в одиночку с утра до вечера или так долго, как ему вздумается, и отыскивает местность, где захочет установить свое жилище. Обоз из женщин и оленей движется по его следу. Когда они доходят до определенного места, то там и устанавливают вновь свое жилище. Такое место они обычно выбирают в лесистых местностях, чтобы поблизости можно было достать шесты для юрт (они никогда не возят их с собой) и чтобы не надо было носить издалека дрова.

Если тунгус рассчитывает на хорошую охотничью добычу там, где он расположился с семейством на ночевку, то он остается несколько дней и все время занимается тем, что совершает ради охоты небольшие путешествия то в одну, то в другую сторону. Иногда он отсутствует две, три или более ночей, а так как у него нет при себе юрты, то зимой на ночь он зарывается в снег и укрывается ветками, а летом ночует под открытым небом. Весь его домашний скарб составляют тогда, помимо обыкновенного охотничьего снаряжения, топор и маленький котел, которые он носит вместе с колчаном на спине. Когда он один, то сам варит себе и еду, что обычно входит в обязанности женщин.

Приходится удивляться, каким образом тунгусы в этих непроходимых чащах отыскивают дорогу и приходят в точности на определенное место. Однако тунгус умеет искусно отмечать путь. Летом вдоль своего пути он вырубает топором метки на деревьях на значительных расстояниях друг от друга. Женщины следуют по этим меткам. Зимой же ему помогают, прежде всего, следы на снегу, и если он пересекает чужую тропу, то кладет ветку или сук поперек этой тропы в знак того, что женщины не должны по ней следовать.

Лук для стрельбы стрелами у всех народов обычно имеет длину, равную росту его хозяина. Поэтому они применяют меру, которой служат распростерты руки, насколько их хватает. Лучшими луками являются те, которые ту же натягиваются и которые, следовательно, дальше стреляют. Если кто-либо хочет похвастаться своей силой, то он показывает, как натягивает свой лук. Это свойство лука зависит от материалов, образующих его спинку, так как именно они придают луку большую или меньшую упругость. Спинка лука склеивается из двух продольных частей. Внешняя сторона обычно

состоит из березовой древесины, а внутренняя, то есть обращенная к тетиве, делается из самого твердого лиственничного дерева. Такие луки называются по-русски креновые, потому что подобную лиственничную древесину русские именуют кренью.

Превосходными луками обладают нерчинские и якутские тунгусы, а также селенгинские монголы и брацкие. Эти луки с внутренней стороны вместо лиственницы или китового уса состоят из бычьих рогов. Они не производятся в Сибири, а привозятся из Китая. Продаются их русским поданным большей частью даурские народы. Якутские тунгусы покупают их во время своих охотничьих перемещений в верховья реки Зеи у тамошних тунгусов, подвластных Китаю, а затем перепродают якутам, у которых это оружие ценится до 3 рублей. Такие луки стреляют дальше всех, потому что ту же всего натягиваются и отличаются большой упругостью. Попадают среди них и составленные только из двух рогов, и они — самые лучшие.

Стрелы применяются различных видов. Некоторые из железа, иные из кости, иные из дерева, причем они различаются не только по материалу: есть и стрелы из одинакового материала, которые не похожи друг на друга и служат для разных целей, а потому имеют и особые названия.

Боевки 1 по-тунгуски *Dschaldiwun*, — это боевые стрелы. Они делаются из железа, по форме — узкие и заостренные, без направленных в противоположную сторону крючков, как показано на прилагаемом рисунке. Боевки применяются только на войне и на поединках, но никогда на охоте, поскольку, будучи очень узкими, не могут причинить зверю особенных повреждений, а кроме того, проникают в тело так глубоко, что их нельзя использовать во второй раз.

Косатки 2 — это боевые стрелы с направленными в противоположную сторону крючками. Они в Сибири малоупотребительны, но юкагиры, говорят, пользуются ими и на охоте. Я также видел косатки у тунгусских аманатов с Верхней Ангары в Иркутске.

Копейчатые стрелы 3 4 имеют вид ромба. Они бывают двоякого рода: одни из них узкие и называются по-тунгуски *Sülè*; другие, широкие, называются по-тунгуски *Sodschi*.

Оргиши, или вильчатые стрелы 5, по-тунгуски *Pjelagà*, похожи на вилку. Снабжены двумя остриями и поперечной деревяшкой, предотвращающей глубокое проникновение в тело.

Долотчатые стрелы 6 по-тунгуски называются *Daptamà*.

Все вышеописанные стрелы изготавливаются исключительно из железа. Нижеследующие же состоят частью из дерева, частью из кости.

Тамары 7, болтообразные стрелы, по-тунгуски *Lüki*, преимущественно делаются из дерева, но иногда

также и из кости. Их наконечник по своим размерам и форме напоминает небольшое куриное яйцо. Эти размеры обычно таковы, что наконечник удобно охватывать большим и указательным пальцами. У тунгусов и остяков переднее полушарие подобных наконечников часто бывает из кости и приклеивается.

Болтообразные стрелы 8 с пятью остриями (четыре — квадратом, и одно — посередине), по-тунгусски *Wakarà*, — преимущественно костяные (иногда кость заменяет твердая древесина). Все острия вырезаются из одного куска дерева или кости; с тем различием, что у брацких и у якутов среднее острие несколько длиннее прочих, а у тунгусов, наоборот, оно несколько короче.

Вильчатые болтообразные стрелы 9, по-тунгусски *Mumahik*, представляют собой обычные болтообразные стрелы, но только у них впереди на наконечнике прикрепляется острие от железной вильчатой стрелы.

Ромбические болтообразные стрелы 10, по-тунгусски *Morò*, делаются так, что на стрелу с болтообразным наконечником помещается железное ромбовидное острие.

Острые костяные стрелы 11, по-тунгусски *Dschiran*, — длинные, острые и узкие; с одной стороны они округлые, а с другой — выдолбленные.

Тунгусы носят на левом рукаве, чуть повыше сгиба пальцев, округлую выкованную железную пластинку. Когда они стреляют из лука, то тетива сильно бьет по руке в этом месте, и без такой пластинки руку можно сильно поранить. Эта железная пластинка по-русски называется наручина.

Самые большие мастера в стрельбе — тунгусы. Они почти никогда не стреляют в зверя иначе, как в грудь, и умеют при этом по желанию попадать или в сердце, или в легкое.

Впрочем, и другим народам нельзя совершенно отказать в искусстве стрельбы из лука. Все они — по крайней мере, в определенное время года — занимаются охотой, и им поневоле приходится постоянно упражняться в стрельбе. А то, что тунгусы имеют в этом превосходство над другими, основывается, по видимому, как раз на том, что они охотятся круглый год. Я говорю про лесных тунгусов, хотя за нерчинскими и другими тунгусами (скотоводами) обычно также признается превосходство над прочими народами в мастерстве стрельбы.

Большой охотничий нож, которым пользуются тунгусы и который у них называется *Oppertun*, имеет длину почти в аршин и ширину в хороших два пальца. Рукоятка ножа, длиной в полтора-два аршина, при ходьбе служит им в качестве палки. Вообще же, этот охотничий нож применяется обычно для защиты в лесу в случае, если на охотника нападает дикий зверь (медведь, волк, тигр и т. п.), а стрел у него недостаточно. Тунгус или якут не страшится с таким охотничьим ножом высту-

пать против самого свирепого медведя. Исход такого поединка бывает разным; иногда смельчаку его отвага стоит жизни. Большие охотничьи ножи тунгусов идут в дело и при переселениях, когда следующие впереди обоза мужчины расчищают ими дорогу в непроходимой чаще.

Одна из забав лесных тунгусов состоит в том, что они прыгают через сложенные кучи дров. Другие забавы — стрельба в цель из лука и поединки на специально делаемых для этого деревянных охотничьих ножах. К забавам и развлечениям можно отнести также рассказывание друг другу сказок. Этим тунгусы нередко занимаются в свободное время. Простодушие народного ума особенно проявляется в этих сказках, поэтому я хочу привести здесь одну из сказок лесных тунгусов.

Три брата идут из юрты к медвежьей берлоге. Младший из них глуповат и, увидев в берлоге медведя, бежит прочь. По дороге он падает около торчащей вверх кривой лесины. Голова его оказывается как раз на этой лесине, отчего он совсем цепенеет. Тем временем два других брата уложили медведя, но так как им одним не под силу донести его до дома, то они отрезают от его туши лишь кусочек сала и бегут к своему глупому брату, которого находят оцепеневшим в упомянутом положении. Они раскрывают ему рот и засовывают туда медвежье сало. Он тотчас оживает, ест сало, нахваливая его. «Откуда у вас, — спрашивает он, — такое кушанье?» Они отвечают: «От медведя, которого мы завалили и оставили в лесу». «Эй, — восклицает глупый брат, — давайте поспешим и отнесем медведя к юрте!» Они все бегут к медведю и пытаются его тащить, но у них ничего не получается. Дурак говорит: «Вы мне только мешаете. Я понесу тушу один», — берет медведя на плечи и несет к юрте. Тогда другие братья говорят ему: «Надо пригласить гостей». Он отвечает, что это ни к чему, и в одиночку пожирает медведя вместе с кожей, шерстью и костями.

Лесные тунгусы часто ссорятся между собой. Кончается это, как правило, жестокими схватками. Если один убьет другого, то весь род, к которому принадлежит убитый, принимает это на свой счет, снаряжается на битву и требует удовлетворения. Если обвиняемая сторона признает свою вину и готова дать удовлетворение, то они договариваются о головщине, обычно состоящей из одной или двух девушек и нескольких оленей. Если же стороны не приходят к соглашению, то начинается настоящая война. Весь род обвиняемого, считающего себя невиновным, встает на его защиту, а иногда бывает и так, что каждый противник призывает на помощь соседние тунгусские роды.

Тунгусское оружие — это, прежде всего, луки и стрелы. Кроме того, тунгусы носят панцири, закрывающие всю левую сторону тела, поскольку она более подвержена поражению — как сзади, так и спереди до

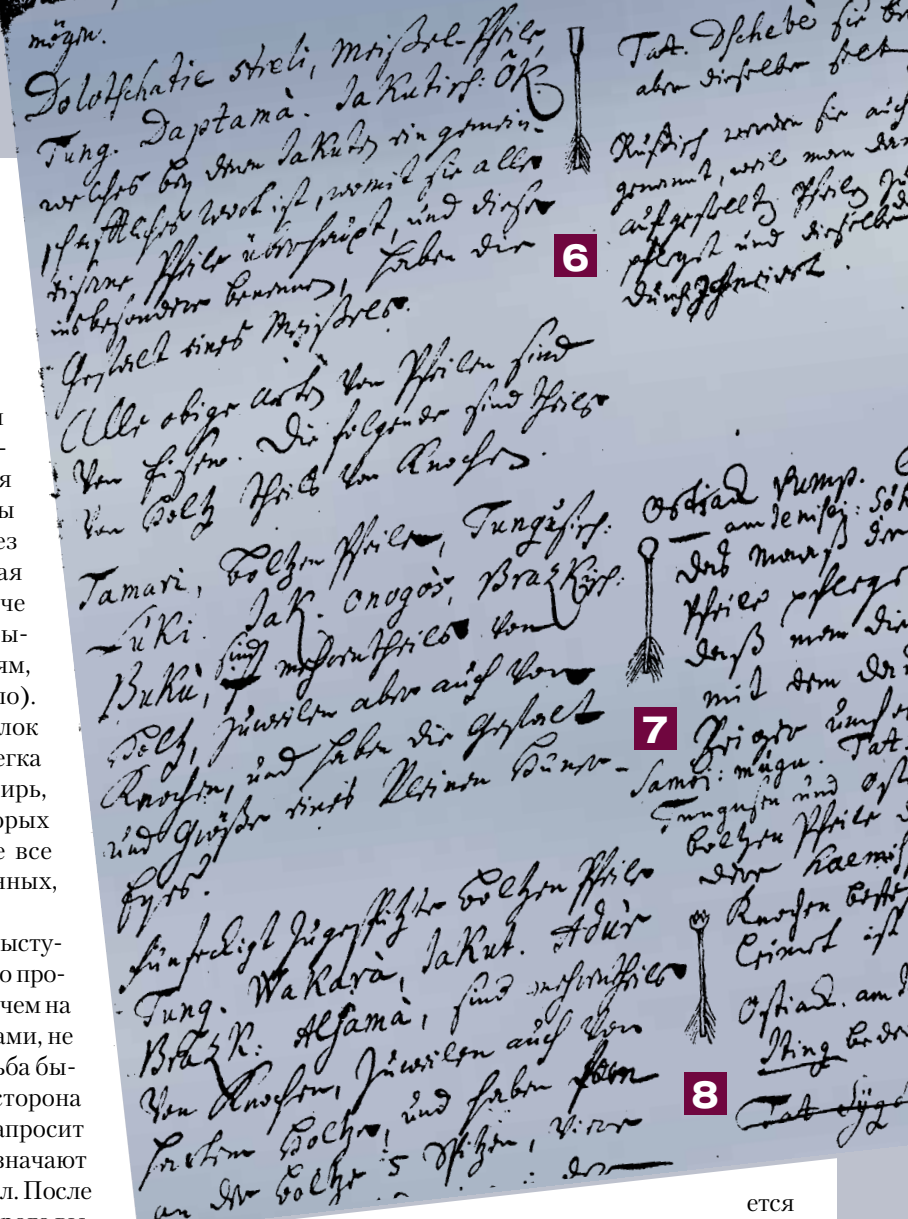
колен. Эти панцири составлены из многочисленных закрепленных на коже тонких железных бляшек, каждая из которых имеет несколько вершков в длину и всего четверть вершка в ширину. Они соединяются между собой в ряды при помощи ремней таким образом, что свисают вдоль тела. Один ряд закрепляется над другим, причем верхний ряд покрывает верхний край нижнего; для удобства скрепления и соединения бляшки по каждому краю сторон снабжены тремя отверстиями сверху и снизу. Через такой полупанцирь просовывается левая рука, дополнительно защищенная на плече деревянной дощечкой. Эта дощечка прикрывает руку до локтя и не мешает ее движениям, потому что является подвижной (как крыло). Таким же образом тунгусы защищают затылок и плечи. На голове они носят круглую и слегка заостренную шапку, покрытую, как и панцирь, мелкими железными бляшками. У некоторых имеются и полные панцири, облегающие все тело. Они делаются по образцу вышеописанных, но для облегчения веса более коротки.

В военных стычках одна партия тунгусов выступает против другой в боевом порядке. Однако противники редко подходят друг к другу ближе, чем на лучший выстрел, и действуют только стрелами, не переходя к рукопашной схватке. Эта стрельба бывает очень жестокой, и обычно обиженная сторона не уступает до тех пор, пока противник не запросит о переговорах. Предложение переговоров означают несколько выпущенных болтообразных стрел. После этого назначается перемирие, во время которого выработывается мирное соглашение и устанавливается головщина.

В своих военных действиях тунгусы применяют по большей части долотообразные стрелы.

Когда тунгусы на Нижней и Подкаменной Тунгуска идут в бой друг против друга, они зажигают на расстоянии 20—30 сажень два больших костра, называемых по-тунгусски *Golún*. Посередине между этими кострами два шамана (от каждого противоборствующего рода) совершают свои обычные камлания с битьем в бубен и вызыванием чертей, чтобы с их помощью одержать победу. В момент наивысшего возбуждения шаманы начинают бороться друг с другом, и та сторона, шаман которой победил в этой схватке, тем самым ободряется и твердо верит, что ее ждет военная удача. Как только камлание заканчивается, начинается бой. Противники при этом не пересекают линию своего костра, сражаясь только посредством стрельбы из луков.

Ни у одного народа свадебные торжества не обставляются так скупо, как у лесных тунгусов. Это обуславлива-

Автограф Г. Ф. Миллера. РГАДА, ф. 181, д. 1389, ч. 1

ются их образом жизни. Они живут очень разбросанно и никогда не имеют больших запасов для угощения гостей. Поэтому на свадьбе у них редко присутствует кто-то помимо тех двух семей, которые роднятся между собой через этот брак. Если же случается, что поблизости оказывается еще кто-либо, то и того все же не обходят приглашением. Правда, только в случае, если на угощение чужого хватит запасов мяса.

Невесту принуждают к первому совместному брачному сожителю только насилеи. Она сама не снимает свои штаны, но жених должен силой сорвать их с нее. Некоторые девушки, говорят, завязывают свадебные штаны еще большим числом ремней, чем обычно, чтобы затруднить работу жениха. Тунгусы считают особой честью и доказательством целомудрия, если невеста храбро обороняется. Слабосильный жених, бывает, лишь спустя много ночей после свадьбы добывается своего. Но даже и при состоявшемся браке вплоть до преклонного

возраста муж должен развязывать ремни и снимать с жены штаны, ибо тунгусы считают постыдным, когда жена делает это сама. Такой обычай принят у большинства местных народов, но только в первую ночь у них не бывает такого сильного сопротивления...

Обыкновенное распутство между неженатыми лицами у сибирских народов не особенно распространено, потому что, во-первых, они рано женят своих детей и еще раньше обручают их; во-вторых, большая часть народов позволяет помолвленным легальное сожительство; в-третьих, в случае распутства и мужчины, и женщина подвергаются опасности, о чем будет сказано ниже. Гораздо более обыденными являются внутрисемейные прелюбодеяния. Редко когда мачеха не грешит со своими пасынками, а жена старшего брата — с младшими братьями своего мужа. Как на то, так и на другое смотрят сквозь пальцы,

Автограф
Г. Ф. Миллера.
РГАДА, ф. 181,
д. 1389, ч. 1

поскольку все равно после смерти отца и старшего брата мачеха и вдова брата достаются пасынкам и младшим братьям.

Во время нашего пребывания в Илимске к правителю города с верховьев реки Илима явился старый тунгус лет 70-ти с жалобой, что он застал сына у своей молодой жены и любовники отколотили его. Старик требовал наказать провинившихся. Их привели. Сыну было от 30-ти до 40 лет, а женщине не исполнилось и 30-ти. Они без колебаний признали свое преступление, причем сын сделал это с усмешкой, а женщина — с некоторым смущением. Мы их спросили, давно ли они занимают этим делом. Сын ответил утвердительно, добавив, что отец всегда знал об этом, но только теперь застиг их и хотел поколотить, так что они лишь защищали свою жизнь. Мы спросили женщину, не побудила ли ее к разврату неспособность старого мужа к сожительству, но от нее нельзя было добиться ни слова. А сын ответил за нее выражением «чему быть». Сына по просьбе отца били батогами, женщина же не получила никакого наказания, так как старик возражал против этого и говорил, что она ее слишком любит, чтобы позволить ее столь жестоко наказывать. Молодая пара обещала старику исправиться, и после этого все трое отправились восвояси.

Ни один народ не бывает так шепетил и ревнив в этом отношении, как тунгусы. Своих семейных они обычно щадят, но если застанут со своими женами кого-либо чужого, то бьют его до тех пор, пока не убьют. В случае малейшего подозрения обвиненное лицо мужского пола должно либо оправдаться клятвой, либо ему грозит смерть.

Спят тунгусские муж и жена особенным образом. Они лежат оба на боку головами в разные стороны и переплетаясь ногами. При этом они покрываются одним одеялом, верхний и нижний концы которого закрывают их плечи. Когда супруги устают лежать на одном боку, то переворачиваются одновременно на другой бок; особенно часто это делается зимой из-за мороза в их холодной юрте. Таким образом, они попеременно поворачиваются разными частями тела к горящему очагу.

Поскольку тунгусы во всем обнаруживают большее постоянство, чем другие народы, то, следовательно, и роды у тунгусских женщин происходят весьма своеобразно. Тунгусы часто находятся в пути. Схватки у женщин начинаются иногда прямо в дороге. Обоз в этом случае даже не останавливается. Женщина слезает со своего оленя, отходит немного в сторону от тропы с одной или несколькими своими созванными для помощи подругами и рождает. Будь то зима или лето — это безразлично. В самую сильную стужу, снег, ветер или дождь тунгуска рождает под открытым небом. Завернув сразу после этого ребенка в тряпки, положив его в заранее приготовленную колыбель и привязав ее сверху к оленю, она сама вновь садится на оленя верхом

и продолжает путь, как будто с ней ничего не случилось. При этом существует суеверие, что дорога, по которой проехала только что родившая женщина, несчастлива для других людей. Поэтому роженица должна ехать поодаль от остального обоза, а если мужу или кому-либо другому из компании встретится даже самая лучшая дичь с ее стороны, то никто не решится ее преследовать, переходя через эту дорогу.

Роды, происходящие на стоянке, имеют свои особенности. Но и в этом случае женщина рождает под открытым небом, потому что тунгусы полагают, что такое нечистое дело осквернит юрту. Они раскладывают вне юрты костер. Летом он бывает небольшим и разводится только ради выполнения обычая; зимой же, когда существует недостаток тепла, на костер не скупятся. Перед этим костром женщина и рождает, встав на колени или на корточки, а повивальная бабка делает свое дело, охватывая сзади живот роженицы и нажимая на него до тех пор, пока не появляется ребенок. Женщина имеет право вернуться в юрту, только когда отойдет послед. Иногда этого приходится ждать по пять дней, а на улице стоит сильнейший мороз, но обычай незыблем. Некоторые, кто очень любит своих жен, устраивают им зимой маленькие хижины из ветвей, где и происходят роды.

Сразу после родов роженица моется сама и умывает ребенка теплой водой. А когда пройдет послеродовой период, длящийся у них обычно один месяц, она моется вторично и после этого снова считается чистой. Во время послеродового периода женщина носит самую плохую одежду, в которую облачается заблаговременно перед родами. По окончании этого периода она вешает одежду в лесу на деревья, где та и должна сгнить. Пока женщина считается нечистой, она имеет в юрте особое место, где должна сидеть и спать. Муж в это время не садится близко к ней. Посередине между ними кладется полено.

Простые люди в Сибири разносят небылицы, будто бы тунгусы сразу после рождения ребенка закапывают его зимой в снег и оставляют так лежать на несколько часов, чтобы он лучше закалился. Я слышал это от многих людей, а когда спрашивал самих тунгусов, то они совершенно отрицали эти рассказы.

Относительно обучения, которое получают дети в юности от своих родителей, можно судить по их собственным умениям и образу жизни... Те из татар, которые занимаются земледелием, по примеру русских приучают своих детей с самого раннего детства ко всем домашним и полевым работам... У других народов охота — это почти единственное, чему обучают молодежь. Впрочем, не у всех в одинаковой степени. Многие монголы, буряты и калмыки, занимающиеся скотоводством, настолько отвыкли от охоты, что и дети их проводят время в праздности, пока не достигнут того возраста, когда смогут принять участие в так называемой облаве. Нерчин-

ские тунгусы, несмотря на то, что кормятся почти исключительно скотоводством, все же учат детей искусно стрелять из лука. Это делается и у якутов, но в особенности отличаются этим лесные тунгусы и прочие народы, по-прежнему занимающиеся преимущественно охотой.

Пятилетнему ребенку отец уже делает лук и стрелы в соответствии с его ростом и силами, ставит ему цель и показывает, как нужно пускать стрелу. Для ребенка это даже не учение, а игра. Собравшись вместе, дети всегда соревнуются в стрельбе. Во многих городах (прежде всего, в Якутске, Иркутске и Мангазее) мне доставляли удовольствие тунгусские аманаты, среди которых встречаются совсем юные. Когда я раззадоривал их на то, чтобы показать свою ловкость в стрельбе, то они зачастую превосходили в этом взрослых людей из других народов.

Обучение девочек начинается не так рано, но и они привлекаются к выполнению домашних работ по достижении подходящего возраста. Шитье, вышивание, выделывание шкур и кожи и изготовление из них всякого рода одежды, уход за скотом, пастьба оленей — все эти навыки девочка воспринимает от матери.

Надо сказать, что дети воспитываются с недостаточной строгостью, с чем связан недостаток почтения по отношению к взрослым. Очень редко в качестве наказания родители бьют своих детей. Молодежь растет в грубой дикости. Достигнув возмужалости, сыновья не совестятся обходиться с отцом в случае ссоры как с чужим человеком. У вспыльчивых тунгусов никого не удивляет и не возмущает, если сын вызывает своего отца на поединок, а тот принимает вызов.

(РГАДА*, ф. 181, д. 1389, ч. 1, лл. 72 об.—75, 77 об., 78 об.—81 об., 84 об.—85, 86—87 об., 93 об., 107—108 об., 138 об.—139; ч. 2, лл. 3—7, 9, 11—13 об., 30 об., 32, 33—34 об., 36, 57 об.—58 об., 70 об., 75 об.—76 об., 84—86)

* Российский государственный архив древних актов (фонд — ф., д. — дело, об. — оборот, лл. — листы)

